

Анализ проблем межкультурной коммуникации на материале текстов модифицированного этнографического интервью

Людмила Ивановна Гришаева, Любовь Васильевна Цурикова

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена изучению стратегий успеха и факторов риска в межкультурной коммуникации. Обсуждаются новые данные об организации межкультурной коммуникации, полученные методом модифицированного этнографического интервью от носителей британской, английской, финской, русской, немецкой, чешской культур, написанные на английском, немецком и русском языках. Обобщения, сделанные в ходе анализа эссе, осмысляются с помощью нового научного инструментария, разработанного авторами статьи (текстограмматический, текстосемантический, текстопрагматический анализ с привлечением когнитивных и дискурсивных приемов описания и учетом культурно антропологических закономерностей при интерпретации полученных в ходе анализа данных). Излагается новая трактовка изучаемых феноменов, благодаря которой факторы риска и стратегии успеха в межкультурной коммуникации получают новую интерпретацию и новый статус в системе категорий, с помощью которых изучается межкультурная коммуникация как феномен. Теоретической основой соответствующего анализа служит трактовка развития интеракции как вероятностного феномена, адекватно описываемого с помощью категорий «инвариант ↔ вариант». Категории описания «стратегии успешности в МКК» и «факторы риска в МКК» трактуются как параметры, использование которых в научной интерпретации полученных результатов комплементарно. Факторы риска не являются результатом несоблюдения некоторых «условий успешности в МКК»; причем следование последним со стороны одного и/или обоих коммуникантов не исключает проблемного развития самой межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, факторы риска в МКК, стратегии успеха в МКК, механизмы вербализации, дискурсивные стратегии, когнитивный стиль, взаимопонимание в МКК, акультурация, авто- и гетеростереотипы

Введение

Углубление и расширение международных контактов на самых различных уровнях привело к необходимости осознания того, в каких условиях и по каким причинам исход коммуникации между представителями различных культур не всегда приводит к ожидаемым и желаемым последствиям – к установлению взаимопонимания. Поэтому изучение стратегий успеха и факторов риска в межкультурной коммуникации имеет несомненный прагматический акцент. Однако и теоретический аспект названного проблемного поля нельзя недооценивать.

В настоящей статье нам бы хотелось остановиться на некоторых аспектах проблематики, интенсивно обсуждаемой специалистами в области культурной антропологии, социологии, лингвистической прагматики, философии, этнографии языка и в других науках, так или иначе связанных с изучением человека и его деятельности, не углубляясь детально в анализ существующих точек зрения.

Наш подход основывается на следующих соображениях. Во-первых, проблемное поле, относящееся к компетенции теории межкультурной коммуникации, чрезвычайно широко, и библиография по данным вопросам сегодня насчитывает тысячи наименований, поэтому рамки статьи не позволяют сделать качественный содержательный и внятный анализ существующих точек зрения по интересующим нас проблемам. Во-вторых, исследователи, занимающиеся изучением со-

ответствующей проблематики, хорошо знакомы с позициями разных авторов по обсуждаемым вопросам, поэтому такой читатель не нуждается в детальном описании контекста обсуждения тех положений, на которых мы концентрируемся в нашей статье. В-третьих, читатель, желающий ознакомиться с нашими развернутыми аргументами ЗА или ПРОТИВ той или иной точки зрения, может найти их в наших работах (см., прежде всего, Гришаева, Цурикова 2003, 2004, 2006; Цурикова 2002; Цурикова 2007; Цурикова 2007а; Гришаева 2007; Гришаева 2007а; Стратегии успеха 2005), в которых наша позиция последовательно сопоставляется с мнениями других исследователей и к которым мы отсылаем его в списке литературы в конце статьи. В данной статье мы прежде всего хотели бы представить результаты собственного исследования, проведенного на новых теоретических основаниях, и одновременно поставить ряд проблем, к которым теория межкультурной коммуникации до сих пор не проявляла специального интереса. При этом, поскольку объем статьи не дает возможности представить развернутый анализ текстового материала и продемонстрировать все этапы описания материала, в данной публикации мы ограничимся изложением теоретически значимых наблюдений и обобщений.

Постановка проблемы

При анализе специальной литературы обращает на себя внимание тот факт, что обсуждение закономернос-

тей успешного межкультурного взаимодействия ведется, как правило, на примере конкретных ситуаций общения в определенных культурах. Соответственно, полученные в результате подобного анализа выводы оказываются справедливы в лучшем случае для отдельных языковых культур, а в худшем – только для конкретного наблюдаемого/ обсуждаемого случая межкультурной коммуникации. Попытки экстраполировать эти выводы на другие языки и культуры чаще всего оказываются необоснованными и некорректными, хотя сами авторы подобных исследований, а также их читатели, как правило, этого даже не осознают. Это происходит потому, что в теории межкультурной коммуникации пока еще не сложилась общая, принимаемая большинством специалистов концепция, объясняющая закономерности межкультурного взаимодействия и выявляющая значимые факторы, оказывающие системное влияние на течение межкультурного общения между представителями самых разных культур и при самых разных условиях его реализации. Очевидно, что теория межкультурной коммуникации уже давно нуждается в такой концепции, которая последовательно отражала бы соотношение универсальных и идиокультурных, общих и частных закономерностей в межкультурном взаимодействии субъектов как носителей личностной и коллективной идентичности.

Успешное существование человека в «чужой» для него культуре и успешное общение с носителями этой культуры возможны лишь тогда, когда он использует адекватные для этой культуры стратегии межличностного взаимодействия. Использование этих стратегий предполагает знание особенностей бытования культуры во всех ее проявлениях, включая и способы организации разного рода интеракций. Однако одного этого знания явно недостаточно, чтобы избежать многообразных проблем, неизбежно возникающих у человека при погружении в новую для него культурную среду. Необходимо также осознанно выбирать и применять способы выстраивания совместной деятельности с окружающими людьми, наиболее приемлемые для данной культуры в конкретных обстоятельствах. Только при таком условии человек будет чувствовать себя комфортно в инокультурном окружении. Именно это лежит в основе овладения стратегиями успеха в межкультурной коммуникации. Отсутствие же соответствующих знаний и умения коммуникативно адекватно использовать эти знания является основным фактором риска для успешной адаптации человека к условиям другой культуры.

Такое положение дел требует от исследователей, занимающихся проблематикой теории межкультурной коммуникации, обобщения данных из разных культур, полученных единообразно и по одной методике, и тщательного их анализа в опоре на научный аппарат теории межкультурной коммуникации.

Теория межкультурной коммуникации – еще достаточно молодая наука, подходы к изучению обсуждаемой в ее рамках проблематики еще не устоялись, ее теоретические позиции дискуссионны, а предлагаемые интерпретации во многом уязвимы. Основы, на которые опираются конкретные версии теории межкультурной комму-

никации, так же различны: психология личности, социология, философия, теория коммуникации, культурная антропология, социальная психология, культурология, экономика, история, литературоведение, а также когнитивная лингвистика, социопрагматическая лингвистика, лингвокультурология и др. В связи с тем, что одни и те же явления в этих дисциплинах трактуются по-разному, выработка общих позиций и «прозрачной» терминологии представляет непростою задачу. Поэтому для создания общей теоретической и терминологической базы крайне важно обсуждать в рамках разных подходов проблемы, связанные с изучением личностной и коллективной идентичности, с влиянием факторов «своей» и «чужой» на результаты коммуникации, с анализом картины мира и процессов инкультурации и аккультурации, с описанием способов ментальной репрезентации личностной идентичности, с выявлением маркеров идентичности, с определением степени влияния стереотипов сознания на результаты восприятия инокультурных фактов.

Все эти вопросы напрямую соотносятся с проблемой успешной адаптации человека к инокультурному окружению и его успешного взаимодействия с носителями другой культуры. Поэтому всякое обсуждение данной проблематики имеет самое непосредственное отношение к анализу стратегий успеха в межкультурной коммуникации и факторов риска, сопровождающих процесс аккультурации на различных его этапах.

Основной исследовательский посыл настоящего анализа при изучении факторов риска и условий успешности в межкультурной коммуникации заключается в том, что мы предлагаем направить усилия на выявление системности в, казалось бы, внесистемном явлении. Для этого целесообразно кратко изложить основные тезисы, составляющие теоретический фундамент для последующей интерпретации наблюдений, полученных в ходе анализа эмпирии.

В межкультурной коммуникации, которая по своей сути является межличностной интеракцией, субъекты с разной личностной и принципиально различной коллективной идентичностью реализуют одну общую коммуникативную задачу, используя для этого разные средства. Основным инструментом для решения этой задачи является язык, который, как и невербальные средства коммуникации, используется в соответствии с некоторыми прототипическими схемами/ сценариями взаимодействия, специфическими в каждой конкретной культуре. Эти образцы взаимодействия и достижения какой-либо цели коммуниканты освоили в процессе инкультурации. При этом соответствующие образцы обработки сведений о мире задают им определенные рамки восприятия, сквозь которые селективируется поток сведений, поступающий для когнитивной обработки, т.е. для категоризации и концептуализации этих сведений. Любой акт межличностного взаимодействия подпадает под влияние факторов, способствующих или препятствующих достижению цели коммуникантов. Однако если у носителей одной культуры нормы коммуникативного ожидания более или менее однородны, то у представителей разных культур они принципиально

различны. Поэтому и стратегии успеха для той или иной интеракции в разном культурном пространстве не могут быть идентичными или универсальными. Факторы риска, препятствующие достижению цели или же затрудняющие его, так же не могут быть описаны как универсальные. Более того, факторы риска не противопоставлены прямо «факторам успеха» и не являются неизбежным следствием несоблюдения условий успешности для того или иного вида коммуникативного взаимодействия.

Материал исследования

Изучение стратегий, реализация которых приводит к успеху межкультурной коммуникации, относится, бесспорно, к одной из главных теоретических задач теории межкультурной коммуникации. Для выявления таких стратегий исследователи предлагают самые различные приемы и методики. Мы решили пойти нетрадиционным путем и получить соответствующие сведения из эссе¹ на определенную тему, в которых представлен подчеркнуто индивидуальный, субъективный взгляд каждого из авторов на тот или иной аспект взаимодействия людей в различных ситуациях в условиях межкультурных контактов. Эти эссе написали 23 автора, представляющих разные культуры, которые в силу жизненных обстоятельств или профессиональных обязанностей имеют регулярный и длительный контакт с носителями других культур и по этой причине часто размышляют над своими действиями в инокультурном пространстве, а тем самым – над своей идентичностью.

Авторы эссе откликнулись на нашу просьбу проанализировать свой личный опыт контактов с другими культурами и рассказать в свободной форме на родном языке – русском, английском или немецком – об этом опыте, обращая особое внимание на осмысление своей родной культуры на фоне другой. В круг анализа были вовлечены данные о русской, британской, финской, американской, немецкой, испанской, шведской, польской, японской, канадской, украинской, белорусской культурах, полученных от носителей русской, немецкой, британской, финской, чешской культур.

Метод, которым получены эссе, является, по сути, модификацией этнографического интервью, давно и успешно применяемого в ряде гуманитарных наук, в том числе в теории межкультурной коммуникации. Модификация метода заключается в том, что, во-первых, «скрипт» интервью изготавливали сами интервьюируемые, во-вторых, отдельные пассажи написаны в разное время и в разных условиях и, в-третьих, – и это самое важное – сформулированная перед интервьюируемыми задача была не только практической, но и теоретической, что и определило их роль в данном проекте не просто как информантов, но равноправных соавторов.

Наконец, в работах по межкультурной проблематике фоном, на котором изучаются закономерности, прису-

щие анализируемому феномену, являлась и является «своя» культура, а в фокусе исследования, как правило, находится «чужая» культура. Критический анализ полученных таким образом результатов убеждает, что многие значимые тенденции в «чужой» культуре невозможно выявить, охарактеризовать и адекватно осмыслить, если не понять особенности «своей» культуры. Поэтому, разрабатывая план исследования, мы поступили иначе – не так, как это принято в исследованиях подобного рода – мы решили поместить в коммуникативный фокус «свою» культуру, а когнитивным фоном сделать «чужую». Как выяснилось, сформулированная задача оказалась для авторов эссе гораздо сложнее, чем традиционная, однако в процессе целенаправленной рефлексии над «своей» культурой они выявили для себя много нового и в культуре, и в себе лично. Новизна подхода к получению материала для теоретического осмысления и обобщений обусловила и новизну результатов.

Для нашего исследования чрезвычайно важно подчеркнуть еще одну особенность. Практически все авторы проанализированных эссе являются в той или иной мере экспертами в области межкультурной коммуникации, поскольку в силу их профессиональной деятельности или научных интересов проблематика теории межкультурной коммуникации известна им не только теоретически, но и из богатого личного опыта общения с представителями различных культур. Многие из авторов эссе имеют, кроме того, опыт теоретического анализа различных аспектов межкультурной коммуникации и написали ряд научных работ по соответствующей проблематике. Важным моментом, значимым для рассмотрения поставленных в данной работе вопросов, является также и то, что у каждого из авторов эссе есть личный опыт преодоления разного рода сложностей межкультурного взаимодействия: каждый из них многократно покидал пределы своей культуры и не один раз преодолевал возвратный культурный шок, на собственном опыте убедившись, насколько психологически и соматически сложным является это состояние.

Все авторы эссе – выходцы из европейского культурного ареала, представители которого имеют много общего. Так случилось, что у них приблизительно одинаковый возраст – это люди за 30, что означает: наши авторы социально активны, и каждый из них представляет собой социально зрелую личность. Они уже имеют богатый и разнообразный жизненный опыт, обладают знанием не только о положительных, но и о негативных сторонах жизни, у них уже наработаны определенные стратегии и приемы выхода из неприятных ситуаций. Все авторы эссе – гуманистари, что позволяет предположить у них известное сходство в ценностных ориентациях. Наконец, все они блестяще владеют родным языком и имеют серьезный опыт точно, ярко и убедительно выражать свои мысли на бумаге.

Изучение подобного материала, по нашему мнению, представляет интерес не только в общекультурном плане, но и имеет конкретный прикладной потенциал. Это связано с тем, что этот материал дает возможность

¹ Тексты эссе опубликованы на родном для их авторов языке (русском, немецком, английском) в первой части «Своей среди чужих, чужой среди своих?» коллективной монографии "Стратегии успеха и факторы риска в межкультурной коммуникации", Воронеж: ВГУ, 2005: с27-338.

исследователю не только выявлять культурно обусловленные закономерности организации различных видов дискурсивной деятельности, но и предоставляет ценные сведения о конкретных особенностях порождения текста определенного типа, необходимые любому человеку, изучающему соответствующую культуру. В рассматриваемых эссе носители различных культур высказываются на одну и ту же тему в рамках одинаково заявленной формы – в жанре «эссе». Для исследователей-лингвотекстологов данный факт имеет непреходящее значение – они получают для анализа уникальный языковой материал, изучение которого позволяет проследить воздействие ряда факторов (например, «культурная идентичность», «личностная идентичность», «личный опыт») на организацию определенного типа текста, на организацию информации и способы ее представления в этом тексте, и интерпретировать упомянутые факторы как дискурсивно значимые. Сопоставление эссе позволяет, кроме того, выявить, какие сведения и при каких условиях тематизируются, как профилируется и структурируется информация в дискурсе одного типа, т.е., в конечном итоге, сделать обобщение относительно концептуализации и категоризации мира средствами вербального кода. Тем самым для лингвотекстологов есть возможность проанализировать результат текстограмматически значимого эксперимента, позволяющего исключить влияние таких переменных, которые в других условиях не представляется возможным свести на нет.

Это означает, что лингвотекстологи (или переводоведы) при сопоставлении полученных таким способом эссе разных авторов могут судить, к примеру, о том, какие номинативные стратегии задействованы при именовании одного и того же элемента действительности, насколько частотно обращение к положительно/отрицательно коннотированной лексике и насколько этот факт обусловлен культурной идентичностью. Тексты эссе можно использовать для изучения того, как в разных коммуникативных условиях именуется страна проживания, когда используется лексика с оценочным компонентом в семантике, когда и по какой причине представители той или иной культуры сознательно избегают этой лексики и т.д.

Ценный материал из эссе могут также почерпнуть когнитологи и культурные антропологи. Традиционно – и на первый взгляд это кажется парадоксальным – наибольшие трудности при межкультурном общении возникают в тех случаях, когда коммуниканты имеют в виду, казалось бы, одно и то же, например, приглашают друг друга в гости, заказывают в ресторане праздничный обед для своих друзей из других стран, дарят друг другу подарки и т.д. Возникающие при этом трудности обусловлены тем, что в разных культурах активизируются разные комплексы сведений о ситуациях, встречающихся в любом человеческом обществе. В изучаемых эссе авторы в ряде случаев подробно раскрывают, что подразумевается в сопоставляемых культурах в интеракциях одного и того же типа. Тем самым когнитологи и культурологи получают доступ к информации, которая, как правило, не эксплицируется и даже не попадает в фокус интереса, а также не осмыс-

ливается коммуникантами даже при неудачной коммуникации. Однако именно к такой информации стремятся получить доступ когнитологи-лингвисты и когнитологи-психологи, изобретая различные остроумные эксперименты или составляя анкеты и опросники разного рода.

Таким образом, эмпирический материал для нашего анализа был получен не только от «наивных носителей культуры», но и от экспертов в области теории и практики межкультурной коммуникации. В рассматриваемых текстах одновременно присутствует и неотрефлексированный материал, и результат целенаправленного глубокого осмысления проблемы с опорой на известные науке закономерности. Эти тексты представляют собой итог не только наблюдения, но и самонаблюдения, что имеет особое значение для теории межкультурной коммуникации. Такое положение дел позволяет исследователю осознанно изучать влияние многочисленных парадоксов в межкультурной коммуникации, в частности, содержательное несовпадение высказываний носителей культуры о том, что они, по их мнению, сделали в тех или иных условиях, и тем, что они в действительности совершили.

В этом смысле неважными для проведения исследования оказываются такие параметры, как количественное соотношение интервью от представителей разных культур, соразмерность текстов, их тематическое однообразие или разнообразие и т.д. Гораздо более значимыми оказываются данные, позволяющие судить о влиянии тех или иных параметров на результат межкультурного общения, а также данные о том, что сами коммуниканты воспринимают в качестве стратегий успеха, условий успешности и факторов риска в межкультурной коммуникации. Кроме того, все полученные данные чрезвычайно необходимы и на бытовом уровне использования языка, поскольку их отсутствие или искаженное представление о конвенциях и нормах культуры общения неизбежно приводит к применению неадекватных стратегий в условиях межкультурного взаимодействия.

Теоретически значимые обобщения

Анализ полученного в ходе исследования языкового материала позволил выявить несколько весьма значимых для теории межкультурной коммуникации закономерностей.

Во-первых, прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что практически во всех эссе анализ проблем и сложностей межкультурного взаимодействия ведется на материале бытовой культуры, несмотря на то, что все без исключения авторы имеют достаточно высокий уровень общегуманитарной и специальной (филологической, исторической, социологической, лингвистической) подготовки, позволяющей им делать серьезные теоретические обобщения. Это вступает в очевидное противоречие с доминирующей в специальной литературе тенденцией к описанию межкультурной коммуникации на материале высокой культуры. Кроме того, наши данные позволяют говорить о том, что исследователи, традиционно использующие ценностные ориен-

тации культуры в качестве основания для классификации и типологии культур и для объяснения отдельных особенностей межкультурного общения, преувеличивают их объяснительную силу.

Во-вторых, в фокусе внимания всех эссе находятся элементы интеракциональной части культуры¹, представляющей совокупность способов организации интеракций различного типа так, как это принято в культуре. Элементы материальной части культуры обсуждаются отдельными авторами эссе эпизодически, отражая их личный интерес к тому или иному факту описываемой культуры. Духовную часть культуры практически никто из авторов не анализирует как самостоятельный феномен. Это так же противоречит широко принятым в работах по межкультурной проблематике подходам к обсуждению того, что традиционно считается центральным и значимым в теории межкультурной коммуникации.

Наконец, в-третьих, то, как авторы эссе характеризуют наблюдаемые факты и явления другой культуры, не является напрямую отражением ценностных установок и стереотипов, принятых в их родной культуре. Многие авторы стремятся оценивать факты «чужой» культуры с позиций этой культуры. Это свидетельствует о том, что широко практикующиеся в теоретических работах по межкультурной проблематике попытки прямо выводить ценностные установки культуры из субъективных суждений носителей этой культуры о других культурах, в сущности, не имеют под собой рационального основания.

Наблюдения над эссе наших авторов показывают, насколько сложным может быть период вхождения в «чужую» культуру, даже несмотря на знание языка и предварительное кратковременное пребывание в новой для себя культурной среде. Для анализа факторов риска и условий успешности межкультурной коммуникации результат самонаблюдения авторов эссе имеет особую ценность, поскольку он с убедительностью свидетельствует о том, насколько сложным является для человека когнитивное и коммуникативное освоение инокультурной действительности. И эта сложность многократно возрастает при знакомстве с самыми обычными действиями в обыденных условиях, а также в неофициальной коммуникации, поскольку именно здесь человек особенно часто испытывает когнитивный диссонанс из-за неумения корректно интерпретировать внешне так похожие на имеющее место в «своей» культуре ситуации, и из-за отсутствия необходимых знаний для корректной обработки соответствующих сведений о «чужой» реальности.

Так, представительница русской культуры замечает, как по-разному действуют люди в аналогичных условиях в разных культурах:

¹ См. подробно об основаниях для выделения, наряду с материальной и духовной частями культуры, культуры интеракциональной в: Гришаева, Цурикова 2003, 2004, 2006; Стратегии... 2005. Заметим, что интеракциональная часть культуры не тождественна так называемому коммуникативному поведению. Последнее представляет собой более узкое понятие, чем категория «интеракциональная часть культуры».

«Очень приятно видеть улыбку обслуживающего персонала, их подчеркнуто вежливое отношение к клиенту, желание помочь. Конечно, это входит в их обязанности и, по большому счету, за их улыбкой и "thank you" не стоит никакого личного отношения к конкретному клиенту, но все это создает приятную атмосферу в подобных ситуациях. Дважды исключениями из этого правила, с которыми я столкнулась в Англии, были, во-первых, абсолютно бесстрастное поведение продавцов на распродаже в одном из крупных магазинов, и, во-вторых, полное отсутствие проводников в общих вагонах поездов.

Интересно отметить, что русская студентка, которая в течение двух недель пребывания в Англии была уверена в том, что каждый водитель автобуса абсолютно искренне благодарит ее по три раза за поездку, была страшно разочарована, когда осознала, что это не совсем так, и две оставшиеся недели повторяла, что она уже устала от их притворных "thank you". Можно было бы сделать вывод о том, что русские если уж благодарят или улыбаются, то только от души, по велению сердца, но это было бы преувеличением.

Жалко, что продавцы во многих российских магазинах, в особенности продовольственных, так угрюмы. Я помню случай обратного культурного шока, который я испытала сразу после возвращения из Англии. В магазине, выбрав то, что я хотела купить, я пошла к прилавку. У меня на лице была готова появиться улыбка, и я уже собиралась вежливо поздороваться с продавцом, как я привыкла делать в Англии (все-то за один месяц!). Но когда я подняла глаза на продавца и увидела выражение ее лица, в котором читалось, что жизнь не удалась, а тут еще покупатели достают, то я моментально осознала, что я не в Англии, а дома, и что в ее глазах я выглядела бы полной идиоткой, если бы поздоровалась с ней» (Стратегии... 2005: с192).

Представительница британской культуры, анализируя опыт общения с коллегами-носителями японской культуры, так же обращает внимание на несоответствие способов и предмета обсуждения предстоящей педагогической деятельности приглашенного в университет преподавателя в обеих культурах²:

«One visit will illustrate my sense of helplessness in the face of this new situation. A delegation had arrived to visit, and all was organised weeks in advance with many emails and faxes agreeing what the agenda was to be, and detailing every item on the itinerary, including which meals were to be paid by my school, and which banquet was to be planned for the visitors to host in a restaurant. Everything seemed to be going according to plan and we met in my office to discuss the main point of the visit, at least from my point of view, which was to agree the number of students we would exchange and the arrangements for the first cohort, due to depart in a few months for their year abroad in Japan. This item was no surprise to anyone because we had been talking about it for months beforehand.

At the end of our 90 minute meeting we had talked about all aspects of the facilities in both universities but there was no answer to my basic question regarding the number of students

² Отрывки из эссе приводятся без перевода, поскольку любой перевод, будучи межкультурной адаптацией текста, ориентирован на принимающую культуру и тем самым в любом случае в той или иной степени трансформирует результат изначальной концептуализации и категоризации сведений о мире, которые носитель языка текста оригинала хотел сообщить при порождении этого текста.

we planned to send to each other. The day progressed, and the bus arrived to take the group to their cultural visit around town. The farewell dinner was held, and much whisky was drunk....

...As this visit drew to its close I reflected on the very mixed messages that I had picked up. On the one hand I had a pretty good feeling about the human relationships, ...but on the other hand I had no real indication of progress in the business planning sense. As it turned out, I need not have worried, since a fax arrived a few weeks later with details of all the exchange arrangements we had discussed, firmly agreed, and this was the beginning of a very long term and fruitful relationship for staff and students alike» (Стратегии... 2005: с106-107).

Представители русской, британской, немецкой культур повествуют о своих реакциях на внешние, бытовые детали жизни другой культуры, такие как городская архитектура, обстановка в домах, выгрузка вещей из трансатлантического лайнера, поход в местный ресторан, покупка продуктов питания, контакты с соседями, тематика разговоров на вечеринках с коллегами, отношение к женщине и др:

«Obwohl ich passabel Englisch und Französisch sprach und vage Vorstellungen von der kanadischen Geographie und Geschichte hatte, erlebte ich meine erste Zeit in Kanada als Kulturschock. Schon am ersten Tag kam es knüppeldick: Mit abgeschlossenem Staatsexamen konnte ich das Quebec-Französisch nicht verstehen; beim Ausladen aus dem Schiff wurde mein VW stark zerbeult; die Landschaft zwischen Montreal und Toronto fand ich langweilig, die ideenlose Industriearchitektur auf freiem Feld öde. Trotz einer Reihe von indianischen Ortsnamen konnte ich zu meiner Enttäuschung keine Indianer sehen. Als ich, nach einer langen Fahrt bei ziemlicher Hitze, durstig in Toronto ankam und in einer Snackbar ein Bier bestellte, wurde ich auf pikirierte Weise belehrt, erstens, dass es in einer Snack Bar keinen Alkohol gibt, und zweitens, dass an Sonntagen sowieso kein Alkohol ausgedient wird. Abends deprimiert in einer dunklen Wohnung sitzend, wäre ich am liebsten auf der Stelle wieder abgereist. Als regelmäßiger Weinrinker lernte ich mit Schrecken, dass der damalige kanadische Wein untrinkbar war, dass auch das Bier nicht besonders schmeckte, vor allem aber, dass es keine gemütlichen Kneipen gab. Die Beer Partours waren düstere Höhlen, wo Gescheiterte aller Art Bier und Schnaps einsiedlerisch in sich heinengossen; es gab zwei Eingänge, einen für Männer und einen zweiten für "ladies with escorts"; d.h. Frauen, die schamlos genug waren, zum öffentlichen Alkoholausschank zu gehen, durften die Trinkhöhlen nur durch einen Nebeneingang in männlicher Begleitung betreten! Alkohol durfte nur in staatlichen Verkaufsstellen (Liquor Boards) gekauft werden und musste im geschlossenen Kofferraum des Autos direkt nach Hause gefahren werden. Alkoholgenuss unter freiem Himmel, selbst im eigenen Garten, war strafbar. (Dies hat sich inzwischen erheblich geändert, dank des Einflusses der vielen Einwanderer. Vor allem die Deutschen und die Italiener haben dazu beigetragen, dass der Weinbau in Kanada inzwischen Weltklasse erreicht hat). Auch sonst gab es viel Fremdes, Befremdendes. Ich musste mir eingestehen, dass es große Unterschiede gab zwischen der nordamerikanischen und der europäischen Kultur. Hier erkannte ich zum ersten Mal in der Realität, im praktischen Erleben des transatlantischen Kontrastes, wie viel Verbindendes der europäische Lebensstil hat, wogegen bei Reisen in Europa damals vor allem die nationalen Verschiedenheiten auffielen» (Стратегии... 2005: с32-33).

Интересно сопоставить при этом мнения представителей разных культур относительно одной и той же понятийной сферы:

«Even in extreme situations, I cannot bring myself to call out *molodoi chelovek* or *devushka* if I need to attract someone's attention. It seems so rude to refer to someone's age in such a public way, and somehow much too personal a form of address. So, although in general it is a point of honour to try to speak Russian as much like a Russian as possible, if someone drops their purse I will whisper a feeble 'excuse me please' even though this immediately betrays me as a foreigner and is quite ineffective at drawing attention. When some students recently complained to me about being scared of travelling by *marshrutka* I was initially puzzled, but then I realised that it was probably for exactly the same reason: they hate to have to shout to stop the bus» (Стратегии... 2005: с64).

Анализ реакций на «чужую» культуру, представленный в эссе наших авторов, убедительно подтверждает, что даже человек, психологически готовый к преодолению разного рода сложностей в межкультурной коммуникации и уже имеющий разнообразный межкультурный опыт, в условиях нового для себя инокультурного окружения не застрахован от влияния факторов риска и не может рассчитывать на исключительно благоприятный исход своих межкультурных контактов. Для теории межкультурной коммуникации сказанное означает, что стратегии взаимодействия в разных культурах столь различны, что наивные коммуниканты, испытывая когнитивный диссонанс и/ или состояние культурного шока, хотя и осознают их как таковые, не могут, тем не менее, объяснить причины этих состояний, определить пути их преодоления, найти адекватные гносеологические инструменты для выработки стратегий успеха в новом для себя культурном пространстве.

Наряду с отмеченными наблюдениями полученные в ходе нашего исследования обобщения текстолингвистического свойства представляют несомненный интерес с общетеоретической точки зрения, поскольку текстологический анализ модифицированных этнографических интервью предоставляет важные данные о способах концептуализации действительности, о результатах категоризации сведений о мире, свойственных индивидуальному субъекту и – не исключено – также коллективному субъекту, что также значимо в теории межкультурной коммуникации, так как язык по-разному используется в разных культурах для решения аналогичных задач.

При чтении эссе бросаются в глаза интересные тенденции, связанные с тем, какую форму избрали наши авторы при изложении результатов решения задачи, которая была перед ними поставлена: проанализировать свой личный опыт контактов с другими культурами и рассказать в свободной форме об этом опыте, обратив особое внимание на осмысление своей родной культуры на фоне чужой. Анализируя эти рассказы, можно выявить признаки, значимые при характеристике когнитивного стиля и индивидуальных, и коллективных субъектов. Используя достаточно свободный жанр эссе, авторы смогли в полной мере выразить свои чувства и личные, субъективные наблюдения и размышления, не сковывая их рамками традиционных жестких

научных жанров. В то же время нам как исследователям это дало возможность получить представление о том, как носители разных культур понимают этот жанр.

В ходе анализа обнаружилось, что тип текста «рассуждение» и жанр «эссе» по-разному реализован в трех лингвокультурах: немецкой, английской и русской (напомним, что эссе написаны и изданы на языках оригинала). При этом прежде всего следует отметить бросающееся в глаза различие в объеме анализируемых эссе: наши англоязычные и немецкоязычные авторы, независимо от их возраста, пола и профессиональных интересов, а также ракурса рассмотрения обсуждаемой проблемы написали объемные тексты, изложив свои взгляды и размышления подробно и детально, стараясь избежать прямых оценок, категорических суждений и далеко идущих обобщений. Русские же авторы в основном ограничились краткими замечаниями и наблюдениями, при этом сделав из них далеко идущие выводы и широкие обобщения.

С точки зрения организации макроструктуры текста в эссе представителей разных культур также можно выявить ряд интересных закономерностей.

Многие русские авторы предпочли выражать свои мысли отстраненно, «объективировано», сводя личностный компонент в рассуждениях к минимуму. Возможно, именно из-за желания быть объективными и беспристрастными некоторые из них использовали для своих наблюдений формат научной статьи, который позволяет избежать слишком камерного тона в повествовании, предполагает достаточно широкие обобщения и дает возможность рассуждать дедуктивно: сначала высказать общее мнение или оценку, а затем доказать их истинность приведенным примером (или наоборот – дать яркий пример, чтобы проиллюстрировать им обобщающую мысль). Такая логика изложения характерна и для тех наших русскоязычных авторов, которые пишут в свободном стиле. При этом особенно интересно, что практически все русские авторы излагают свои мысли в обобщающих терминах «мы» и «они» – в своих эссе они пытаются прямо ответить на вопросы «Какие мы (вообще)?», «Какие они (вообще)?», «Что делает сложным взаимопонимание между нами (вообще)?». В их размышлениях много места уделяется анализу глубинных душевных переживаний и чувств людей, моральных и этических ценностей культуры, и гораздо меньше – фактам материальной части культуры, а также тому, о чем много говорят, например, англоязычные авторы – обыденной жизни людей, аспектам бытовой культуры. Даже тема еды, так популярная у многих, рассматривается русскоязычными авторами концептуально и с научных позиций; ср., например, название одного эссе: «Мы живем не для того, чтобы есть, а они?». В то же время для многих русскоязычных авторов эссе характерна эмоциональность, лиричность и особая задушевность повествования, а частая апелляция к читателю, в том числе в форме включающего «мы», переводит внимание с личности автора, когда в тексте редко встречается «я», и предполагает солидарность аудитории с высказываемыми взглядами.

В отличие от русских, англоязычные и немецкоязычные авторы подчеркивают значимость для них личного мнения о том или ином предмете обсуждения. Личная точка зрения акцентируется неоднократно и по-разному. Вероятно, авторам важно донести до читателя ту мысль, что он, читатель, имеет дело с личной позицией человека, а не с анонимным рассуждением.

Носители английского языка и воспринявшие их культуру иностранцы, пишущие по-английски, постоянно подчеркивают субъективность своих наблюдений, даже там, где речь идет о констатации фактов, не говоря уже об их оценках. В тексте всегда открыто и эксплицитно присутствует "я" автора, выраженное в многочисленных «Я считаю», «Мне кажется», «Я полагаю». Все пишущие по-английски говорят только о своем личном опыте и о своем личном восприятии описываемых фактов, всячески подчеркивая этот личный компонент повествования. Никто из них не дистанцируется от объекта своих размышлений – может быть, поэтому никто не избрал для себя жанр научной статьи как самый приемлемый для такого сложного анализа, хотя практически все отмечали в личной коммуникации, насколько трудно им было писать об этих проблемах. Такой личностный подход к повествованию делает его очень живым, остроумным, часто ироничным и самоироничным, а также эмоциональным, но эта какая-то другая, не русская эмоциональность: чувства, которые авторы эксплицируют в тексте, в том случае если они вообще называют их, сводятся в основном к одному – удивлению, выраженному в разной степени. Возникает впечатление, что за всеми этими фразами (*I was surprised, I was much surprised, I was very much surprised, I was puzzled*) стоит широкая гамма чувств и эмоций – просто выражаются они по-другому, и для их понимания требуется соответствующая культурная база, что можно, бесспорно, считать еще одной темой для специального исследования.

Все немецкие эссе хорошо структурированы в содержательном и формальном отношении. Как правило, отдельные разделы снабжаются заголовками и/или подзаголовками, чего обычно не встречается ни в русских, ни в англоязычных текстах. В ряде случаев, что, однако, менее распространено, соответствующие смысловые отрезки не маркируются как таковые, однако текстосемантический анализ позволяет четко выделить разделы как таковые.

Только в одном немецком эссе присутствует список цитируемой литературы. Во многих же англоязычных эссе, несмотря на то, что в них не прослеживается жестко заданной формы, такой список имеется. В русских текстах он приводится только тогда, когда текст имеет форму научной статьи.

Изложение в англоязычных эссе в основном ведется индуктивно: из большого количества примеров и наблюдений, всегда взятых из личного опыта и часто описываемых с иронией или в шуточной форме (что практически не встречается у русских и немецких авторов), как правило, не делается широких обобщений и далеко идущих выводов – они обычно иллюстрируют конкретные и частные «мысли по поводу». Только в нача-

ле некоторых эссе присутствуют общие теоретические посылки (например, при размышлении о природе и составляющих идентичности или при анализе нескольких дефиниций культуры), служащие точкой отсчета для последующих рассуждений, основанных на примерах из собственного – и всегда только личного – опыта.

Характерно, что никто из англоязычных или пишущих по-английски авторов не говорит о национальном характере, «свойствах души», этических ценностях представителей своей и другой культуры. Они пишут о своем восприятии явлений сравниваемых культур и констатируют обнаруженные в них различия, не вынося при этом открытых оценок. Сравнивается то, как люди делают то, что они делают, однако выводов и обобщений о том, **каковы** эти люди (или что они чувствуют, или о чем это свидетельствует), из этого не формулируются, хотя сказанное отнюдь не означает, что сами обобщения из этого не следуют. Получается, что в то время как русские и немецкие авторы всем своим повествованием словно бы говорят «Мы разные, и поэтому делаем сходные вещи по-разному». Англоязычные авторы говорят только то, что «Мы делаем сходные вещи по-разному».

Среди немецких и русских эссе нет ни одного эссе, в котором бы отсутствовало обобщение, представленное в том или ином виде. В текстах используется и индуктивный, и дедуктивный способ подачи информации, хотя складывается впечатление, что дедуктивный подход в них преобладает. Выдвигаемые положения обязательно доказываются: приводятся примеры из личного опыта, пересказываются известные всем, по их мнению, факты. Некоторые авторы при этом также берут примеры из специальной или художественной литературы, дают ссылки на мнение общепризнанных авторитетов, сопоставляют два взгляда на один и тот же факт, а личный взгляд сравнивают с принятой в обществе позицией или мнением друзей, знакомых, специалистов. Многие авторы, приводя мнения авторитетов, чтобы подкрепить свои рассуждения относительно определенной темы, даже спорят с ними. Например, один из авторов открыто не соглашается с мнением Гейне, аллюзия на которое активизирует у носителей немецкого языка соответствующие оценки немецкой культуры и некоторых черт немецкого характера, высказанные известным поэтом и мыслителем. В англоязычных текстах такие риторические приемы практически не встречаются.

Все авторы эссе используют корректный, литературный, но не обезличенный язык: индивидуальные стилистические особенности очевидны в каждом из проанализированных эссе. Повествование, как правило, пластично, ярко, ощущается эмоциональный подъем авторов, равнодушное отношение к обсуждаемому содержанию, личная заинтересованность в том, о чем авторы рассказывают читателю. Степень выраженности эмоционального настроения, естественно, так же различна и зависит исключительно от индивидуальных особенностей автора.

Все авторы с той или иной степенью осознанности обращаются к общественно значимым темам: ценность культурных различий как таковых, поиски путей для

установления взаимопонимания между различными народами, пути обогащения культурного наследия человечества, национальный характер, единство человечества и др.

При рассказе о «своей» культуре на фоне «чужой» большинство понимает предложенную им тему как размышление о своей идентичности, однако часть авторов интерпретирует свою задачу как обсуждение содержания прямых и переносных авто- и гетеростереотипов.

При размышлении об идентичности немцы, как правило, в явной или неявной форме сознательно или неосознанно сопоставляют коллективную и личностную идентичность (см. подробнее о трактовке идентичности и соотношении разных аспектов идентичности единичного и коллективного субъекта в: Гришаева 2007). Среди характеристик идентичности многие немецкие авторы особе внимание уделяют ряду признаков, в частности, локальным характеристикам (страна, город, федеральная земля), родному языку (чаще всего литературному, намного реже – диалектальным вариантам немецкого языка), в том или ином виде ландшафту, родной природе. В их эссе также имеет место апелляция ко временам 2-ой мировой войны и осмысление ответственности немцев за эту мировую войну (в особенности у троих информантов, представляющих три разных поколения носителей немецкой культуры: 20-летних, 40-летних и 60-летних). Тема войны встречается и в ином виде – осмысление войны как проявление непонимания и недооценки культурных различий.

В каждом немецком эссе чувствуется искреннее сугубо положительное общеоценочное отношение к своей культуре, что выражается серьезно, при этом каждый из авторов особо выделяет какой-либо отдельный аспект. Так, один из авторов весьма позитивно высказывается относительно высоких технических достижений и продуманной инфраструктуры, свойственных родной культуре; другой положительно оценивает культуру и национальный характер в общем; третий высоко ставит ряд качеств, обнаруживаемых им у своих соотечественников: организованность, деловитость, а также их приверженность демократии.

Немецкие авторы эссе, как правило, имеют положительный автостереотип о немцах, который включает в себя такие признаки, как организованность, обязательность, надежность. Названные качества высоко ценятся при обсуждении не только коллективной, но и личностной идентичности. Отсутствие упомянутых качеств у представителей других культур квалифицируется немцами негативно, что авторами эссе осознается. Некоторые из них, однако, стремятся привести и другие точки зрения на ситуации, в которых проявляются соответствующие качества, сопоставляя тем самым содержание прямых и переносных авто- и гетеростереотипов. Во всех немецких эссе выражена открытость к «чужим» культурам, интерес к «чужому», признается ценность межкультурных контактов. Так, один из авторов даже подчеркивает, что изучение иностранных языков необходимо, чтобы донести до представителей других культур ценность немецкой культуры и пробудить у них интерес к немецкому языку.

Упоминаются и негативные автостереотипы, хотя содержание их детально не раскрывается. Довольно типичен случай, когда автор средних лет подчеркивает, что ему свойственны лишь некоторые черты, которые обычно приписывают немцам, и не характерны качества, традиционно характеризующие немцев (некоторые традиции и ритуалы). Другой, более молодой, автор рассказывает о том, что для немцев типично не быть типичным немцем, то есть стараться не обнаруживать у себя тех черт, которые признаются другими народами немецкими. Не возникает сомнения в том, что авторы эссе знакомы со стереотипами о немцах, существующими у других народов – гетеростереотипами, в том числе и с негативными. Последние они стремятся – эксплицитно или имплицитно, сознательно или неосознанно – опровергнуть или, по крайней мере, объяснить, почему такие стереотипы бытуют или почему они могли возникнуть в том виде, в каком они известны сейчас. Многие авторы отмечают свою симпатию и интерес к России и к россиянам.

В отличие от авторов-немцев, русские и англоязычные авторы в своих текстах практически не рассуждают о своей идентичности, не анализируют ее, хотя все их размышления, безусловно, имплицитно связаны с их представлениями о том, какими качествами они обладают. Ряд авторов сопоставляет свои ожидания с реальным результатом межкультурного взаимодействия, а также стремится соотнести содержание известных им авто- и гетеростереотипов с наблюдениями над инокультурной действительностью. При этом англоязычные авторы – и британцы, и носители других культур, пишущие по-английски, – всегда полны самоиронии и говорят об автостереотипах и об их влиянии на действия и оценки людей в шутливой форме.

В русских эссе прямые негативные общие оценки инокультурных фактов, как правило, отсутствуют при том, что положительные общие и частные оценки высказываются довольно часто и достаточно откровенно. Только в некоторых эссе имплицитно и даже в той или иной форме упоминается в тексте, что к их родной культуре в инокультурном окружении существует негативное отношение, т.е. ведется по преимуществу скрытая полемика с негативными общими и/или частными оценками русской культуры или ее частей. Тем не менее, явного стремления защитить «свою» культуру от реальных и мнимых нападков, доказать ее значимость для мировой культуры и незаменимость не наблюдается. Вместе с тем русскоязычные авторы не выражают стремления отказаться от «своих» способов организации того или иного вида деятельности в предлагаемых в инокультурном окружении обстоятельствах; они осознают в полной мере, что стереотипы не являются объективными, что опора на их содержание при межкультурной коммуникации требует осторожного и взвешенного отношения. Некоторые авторы специально оговаривают, что содержание прямых (сформированных в результате личного опыта) и переносных (полученных из «вторых рук» – из рассказов других людей, литературы и т.д.) авто- и гетеростереотипов не идентично.

Все эти наблюдения позволяют сделать вывод о том, что в проанализированных эссе находят отражение определенные черты коллективной идентичности представителей разных культур, проявляющееся в том, как носители культуры используют язык для решения тех или иных коммуникативных и когнитивных задач. Наличие у наших авторов культурных когнитивных моделей русской, немецкой, английской и американской языковых культур проявляется в том, как организованы и оформлены написанные ими тексты, какие дискурсивные и номинативные стратегии были использованы при создании этих текстов, какой фактический материал был отобран для иллюстрации излагаемых в эссе рассуждений и с каких позиций он был проанализирован, а также в том, какие когнитивные нормы ожидания определяют этот выбор. У представителей каждой из проанализированных языковых культур многие из названных характеристик совпадают. Это, с одной стороны, свидетельствует о значимости всех этих факторов для определения культурной принадлежности индивида, а с другой – на примере пишущих по-английски авторов, не являющихся британцами по рождению, – наглядно показывает, что процесс успешной аккультурации и интеграции в «не-свою» культуру с необходимостью предполагает восприятие разделяемых в культуре моделей знания и поведения, в том числе дискурсивного.

В представленных эссе хорошо видно, что не-английские авторы, живущие в Британии и пишущие по-английски, успешно интегрировавшись в британскую культуру, восприняли не только ее ценностные установки и образ жизни, но и характерные для нее черты дискурсивного стиля. В то же время анализ проблем, с которыми сталкиваются погруженные в американскую культуру носители русской культуры, обнаруживает, что их успешной аккультурации препятствует, прежде всего, невозможность освоить и интегрировать американские культурные когнитивные модели, отражающие иерархию соответствующих ценностных ориентаций, а так-же разделяемые обществом формы поведения, манеры общения и организацию взаимодействия.

При этом следует отметить, что для успешной вторичной социализации личности освоение именно интеракциональной составляющей культуры имеет особую значимость и одновременно представляет особую трудность, поскольку имеющиеся у них интеракциональные знания сами носители соответствующей культуры обычно не анализируют и даже зачастую не осознают как таковые. Поэтому они вряд ли могут корректно объяснить и себе, и другим, как и, главное, почему те или иные простые и естественные для них вещи делаются в их культуре так, а не иначе. Изложенные в виде «норм» правила этикета, принятые в культуре, составляют лишь верхушку «интеракционального» и «ценностного» «айсбергов» и обычно являются наиболее очевидными и бросающимися в глаза кодифицированными нормами социального поведения. Все это делает для инокультурного индивида крайне сложной задачу по извлечению жизненно важных сведений для адекватного и успешного функционирования в новой для себя культуре, поскольку когнитивные модели родной культуры

служат структурирующей базой для поступающей новой инокультурной информации.

Из всего сказанного следует, что главной стратегией успешного взаимодействия с другой культурой, обеспечивающей успешную интеграцию в нее, следует считать умение воспринимать и осмысливать факты и «своей», и «чужой» культуры «изнутри», т.е. с позиций и в терминах, свойственных каждой из них, воздерживаясь от оценок и доверяя личному опыту. Однако личный опыт нуждается в умении осмысливать его достаточно отстраненно и, по возможности, объективно, осознавая, что оценка действий, совершаемых в одной системе культурных координат, с позиций и в терминах другой системы культурных координат неизбежно приводит к несовпадению конечных результатов когнитивной деятельности. То, что в одной культуре оценивается как безусловно положительное, а в другой культуре, напротив, может вызывать негативную реакцию, в ситуации межкультурного общения часто приводит к конфликту оценок. При этом осознание глубинных свойств родной культуры и осмысление своей собственной идентичности во многом помогают личности постичь многие скрытые от поверхностного взгляда значимые характеристики и качества другой культуры, знание и понимание которых необходимо для успешного взаимодействия с ней и внутри нее.

Таким образом, главной стратегией успеха в межкультурной коммуникации является осознанный поиск ее участниками путей преодоления потенциального конфликта между «своим» и «чужим». В том случае, когда личность, освоившая модели знания и поведения другой культуры, может свободно переключаться на этот культурный код и адекватно использовать его при общении с его носителями, она становится бикультурной; включение инокультурных моделей знания и поведения в структуру личностной идентичности свидетельствует о самой высокой степени успешности процесса аккультурации. Представленные нашими авторами эссе надежно верифицируют такой вывод, давая примеры как успешных, так и проблемных взаимоотношений с «чужими» для них культурами.

Анализ последних дает возможность выявить и наиболее существенные для межкультурного взаимодействия факторы риска. К числу этих факторов, очевидно, следует прежде всего отнести незнание различий в интеракционной части «своей» и «чужой» культуры, в том, **что именно** люди делают по-разному в этих культурах: как ведут себя в разных ситуациях, как общаются друг с другом, как выражают эмоции и чувства. Именно замеченные различия в способах и содержании действий прежде всего вызывают эмоции у участников межкультурных контактов – как кратковременных, так и долговременных и постоянных. При этом интеракционная часть культуры не тождественна поведению в процессе коммуникации или способам общения людей друг с другом. Она включает в себя все виды социально обусловленного (оперативного) поведения, осознанного и неосознанного. Это понятие включает в себя **все**, что делают люди, существуя каждый день в своей культуре: то, как они едят и одеваются, проявляют чувства, ра-

дуются и скорбят, отдыхают и работают, делают покупки и дарят подарки, женятся и разводятся, отмечают рождение детей и провожают в последний путь стариков и т. д.

Как уже отмечалось выше, не осознавая имеющихся в культурах интеракционных различий, участники межкультурного взаимодействия обычно строят свое поведение и коммуникацию с носителями другой культуры на основе своих «родных» представлений о значимых коммуникативных факторах в той или иной ситуации общения и о возможных стратегиях поведения в ней, а также на обусловленных нормами родного языка пресуппозициях относительно значений и условий употребления конвенциональных языковых форм, используемых ими в дискурсе. В результате этого в процессе интеракции происходит перенос интерактивных и языковых стратегий родного языка в иностранный – социопрагматические и прагмалингвистические трансферы. Как правило, иноязычные коммуниканты при этом даже не подозревают, что их дискурсивные стратегии не соответствуют нормам ожидания носителей языка общения и выходят за рамки допустимого диапазона отклонений для естественного аутентичного дискурса (о том, что из этого получается, см. подробнее: Цурикова 2002).

Источником риска при контакте с другой культурой является также незнание или непонимание того, **когда, почему и как** люди действуют тем или иным образом. Именно это является главной причиной разнородных сложностей и проблем в освоении необходимых для существования в другой культуре знаний. Характерно, что знания эти трудно добываются и трудно усваиваются, так как вступают в когнитивный диссонанс с уже имеющимися знаниями (осознанными или неосознанными) о родной культуре, организованными в «структуру ожидания», сквозь призму которых, как через сито, просеивается вся поступающая новая инокультурная информация. Однако если эти новые знания интегрированы, то существует вероятность, что они, организовавшись в новые – параллельные «родным» – когнитивные структуры, становятся неотъемлемой частью долговременной памяти и активизируются практически автоматически в релевантных условиях при смене культурного окружения.

Выводы

Результат интеракции – явление, обусловленное влиянием разнонаправленных, разнородных, неравнозначных факторов, воздействие которых нельзя признать раз и навсегда установленным. Развитие интеракции – это вероятностный процесс, теоретическое описание которого, по сути, пока еще находится в самом начале. Вступая в коммуникацию, интерактанты располагают культурно специфическим знанием о стратегиях взаимодействия, следуя которым они потенциально способны достичь поставленной коммуникативной цели в конкретных условиях общения. Факторы риска, понимаемые как обстоятельства, в той или иной мере затрудняющие развитие взаимодействия и препятствующего достижению цели, не противопоставлены прямо условиям успешности коммуникации. Поэтому, опираясь на интерпретацию развития интеракции как

вероятностного явления, факторы риска, условия успешности и стратегии успешности необходимо изучать специально, характеризуя при этом их сущность, сферу функционирования, функциональный потенциал и условия, в которых они проявляются тем или иным образом.

Обобщая результаты проведенного исследования, следует подчеркнуть, что при анализе процессов межкультурного взаимодействия необходимо сопоставлять интеракции одного и того же типа, последовательно концентрируясь на изучении влияния на них того или иного коммуникативно значимого фактора, предварительно обеспечив при этом в теории и на практике последовательность его выделения из массива ему подобных. Поаспектное контрастивное изучение интеракции одного типа в разных культурах целесообразно дополнить в дальнейшем комплексным анализом этой интеракции в целом, погружая ее в разный дискурсивный и культурный контекст.

Думается, что только таким образом можно выявить **системно** значимые корреляции, позволяющие сформулировать теоретически важные закономерности. И только на такой основе можно затем организовывать практикумы по межкультурному общению, не опасаясь, что они либо не достигнут поставленных целей, либо принесут скорее вред установлению взаимопони-

мания между представителями разных культур, чем истинную пользу.

Литература

1. Гришаева, Л. И., Цурикова, Л. В. (2003) Введение в теорию межкультурной коммуникации, ВГУ, Воронеж, 369 с.
2. Гришаева, Л. И., Цурикова, Л. В. (2004) Введение в теорию межкультурной коммуникации. Изд. 2-е, исправленное, дополненное, ВГУ, Воронеж, 424 с.
3. Гришаева, Л. И., Цурикова, Л. В. (2006) Введение в теорию межкультурной коммуникации. Изд. 3-е, исправленное, Academia, 336 с.
4. Гришаева, Л. И. (2007) Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов, ВГУ, Воронеж, 272 с.
5. Гришаева, Л. И. (2007а) О противоречивости оценок в межкультурной коммуникации и этике межкультурных контактов, Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации, ред. Л. В. Цурикова, ВГУ, Воронеж, с. 228-238.
6. Гришаева, Л. И., Цурикова, Л. В. (2005) Стратегии успеха и факторы риска в межкультурной коммуникации, ВГУ Воронеж, 391 с.
7. Цурикова, Л. В. (2002) Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации, ВГУ, Воронеж, 257 с.
8. Цурикова, Л. В. (2007) Естественные барьеры для межкультурной коммуникации, Вестник ВГУ, Серия: Гуманитарные науки, № 1., с. 138-153.
9. Цурикова, Л. В. (2007а) Вежливость как социопрагматический феномен, Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации, ВГУ, Воронеж, с. 214-227.

Liudmila Grišaeva, Liubovė Curikova

Tarpkultūrinės komunikacijos problemų analizė pagal modifikuoto etnografinio interviu tekstus

Santrauka

Straipsnis skirtas sėkmės strategijoms ir rizikos veiksniams tarpkultūrinėje komunikacijoje (TKK) tirti. Aptariami nauji duomenys apie tarpkultūrinės komunikacijos organizavimą, gauti modifikuoto etnografinio interviu metodu iš britų, anglų, suomių, rusų, vokiečių, čekų kultūrų atstovų, parašyti anglų, vokiečių ir rusų kalbomis. Analizuojant esė padaryti apibendrinimai aptariami naudojant straipsnio autorių sukurtą naują mokslinį instrumentarijų (teksto gramatinė, semantinė ir pragmatinė analizė pasitelkiant kognityvinius ir diskursyvinius aprašymo būdus ir analizuojant gautų duomenų interpretacija atsižvelgiant į kultūrinius-antropologinius dėsningumus). Pateikiama tiriamų reiškinių nauja traktuotė, kuri lemia rizikos veiksnių ir sėkmės strategijų tarpkultūrinėje komunikacijoje naują interpretaciją ir naują statusą kategorijų sistemoje, dėl kurių tarpkultūrinė komunikacija tiriama kaip reiškinys. Tokios analizės teorinis pagrindas yra galimo reiškinio interakcijos vystymosi traktuotė, aprašyta pasitelkiant kategorijas „invariantas ↔ variantas“. „Sėkmės strategijos TKK“ ir „rizikos veiksniai TKK“ traktuojami kaip parametrai, kurių naudojimas gautų rezultatų mokslinėje interpretacijoje yra komplementarus. Ir rizikos veiksniai nėra kai kurių „sėkmės sąlygų TKK“ nesilaikymo rezultatas; be to, vienas ar abiem bendraujantiems šių sąlygų laikantis, nėra panaikinama pačios tarpkultūrinės komunikacijos probleminio vystymosi galimybė.

Straipsnis įteiktas 2007 12
Parengtas spaudai 2008 05

Об авторах

Людмила Ивановна Гришаева, доктор филологических наук, профессор, кафедра немецкой филологии Воронежского государственного университета.

Адрес: Воронежский Государственный Университет, ул. Хользунова 40В, 394065 Воронеж, Россия.

Ел почта: grishaewa@rghp.vsu.ru

Любовь Васильевна Цурикова, доктор филологических наук, профессор, кафедра английской филологии Воронежского государственного университета, Россия.

Адрес: Воронежский Государственный Университет, ул. Хользунова 40В, 394065 Воронеж, Россия.

DOI: 10.5755/j01.sal.1.12.43313